

К 12 80584

Институт военной истории Министерства обороны
Российской Федерации

На правах рукописи

Конасов Виктор Борисович

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
(1941—1956 ГГ.)**

07.00.02 — Отечественная история

**А в т о р е ф е р а т
д и с с е р т а ц и и**

**на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва — 1998

63.3(2) 622
К 64

Д 2Р 2В Тора

63.3(2) 622

1. Военнополитические

Великобритания

Война
ства обороны

Работа выполнена в
Российской

МБА дод. се

21.12.02-2838/15

Научный

2002

профессор

Официаль

26.01.04 Трудяков

профессор

16/05.4-148 // Кривоноз Н.

ич

16.02.05-4444/15

профессор

11.05.05,- 4444/15

профессор

24.12.15- ОУБ

Ведущая ор

04.06.2018

19.06.2021

27.09.2021

03.12.24

14.07.25

Губенкова

Вост. ОУБ

Вост. ОУБ

ОЭР

Защита состо
ного совета Д. 10
Российской Феде
224).

ертацион-
обороны

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института военной ис-
тории МО РФ.

Автореферат разослан «20» августа 1998 г.

В.Тинин

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А. Л. Тинин.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История войн убедительно свидетельствует о том, что государственные деятели, как правило, слишком поздно вспоминали о нелегкой судьбе солдат и офицеров, оказавшихся в руках неприятельской стороны. Хотя попытки оградить их от произвола и насилия, разумеется, предпринимались, доказательством чему служат Женевские конвенции о военнопленных 1929 и 1949 гг., а также дополнительные протоколы к ним, принятые в 1979 году. Как это ни прискорбно, но на пороге нового тысячелетия нарушение прав военнопленных стало явлением массового порядка, обыденной и жестокой реальностью. Причина такого положения, помимо прочего, кроется в прошлом, трагический опыт которого заслуживает самого пристального внимания.

В годы Великой Отечественной войны командование вермахта и министерство пропаганды нацистской Германии пустили в оборот версию об ужасах русского плена. В эпоху идеологического противостояния двух общественных систем эта версия использовалась для нагнетания антикоммунистических настроений, обрастала все новыми подробностями. Пользуясь недостаточной информированностью граждан о действительном положении вещей, некоторые политики и общественные деятели до сих пор подпитывают миф о бесчеловечном обращении с пленными солдатами и офицерами вермахта в СССР своими публичными заявлениями. В этой связи реконструкция объективной картины прошлого по проблеме, имеющей ярко выраженные политический, юридический и нравственный аспекты, рассматривается автором, как важный шаг на пути укрепления доверия, дружбы и сотрудничества между народами России и Германии.

Отсутствие фундаментального труда, в котором бы раскрывались сущность, основные направления и особенности политики советского государства в отношении немецких военнопленных, затрудняет понимание сложных и противоречивых процессов второй мировой войны, выхолащивает и обедняет ее содержание. Негласный запрет на изучение этой проблемы привел к тому, что из отечественной истории была, к примеру, вычеркнута глава, характеризующая контакты правительства СССР с Международным комитетом Красного Креста. По той простой причине, что позиция МККК в вопросе военнопленных не устраивала советское руководство ни в сороковые, ни в пятидесятые годы.

В настоящее время российские ученые предпринимают попытки рассмотреть проблему немецких военнопленных на региональном уровне. Объектом изучения, как правило, становится какая-то одна сторона этого сложного социального явления. В принципе, ~~такой подход вполне прием-~~

лем. Однако в концептуальном плане гораздо предпочтительнее иметь перед глазами целостную картину политики советского государства по отношению к поверженному противнику. Это позволит избежать поспешных выводов и обобщений, особенно в вопросах правового статуса, трудового использования, репатриации и судебного преследования бывших солдат и офицеров вермахта.

Как известно, в стране сегодня продолжается процесс реабилитации российских и иностранных граждан, осужденных по политическим мотивам. В число последних входят и бывшие немецкие военнопленные, привлеченные к уголовной ответственности во второй половине сороковых — начале пятидесятых годов. Отрадно, что представители Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры периодически информируют научную общественность о результатах своей работы. Необходимость более тесного сотрудничества историков и юристов-практиков подтвердила недавно прошедшая Международная научно-практическая конференция «Проблемы военного плена: история и современность», которая проходила в Вологде в октябре 1997 года*. В выступлениях участников форума неоднократно выдвигался тезис об отсутствии научно выверенной политической оценки закрытых судебных процессов над солдатами и офицерами вермахта. Некоторые замечания, высказанные диссертантом по данной проблеме, могут представить интерес как для историков, так и для сотрудников Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Состояние научной разработки проблемы. Подробный анализ историографии вопроса о немецких военнопленных в СССР дан в первой главе диссертации. Основные выводы, к которым пришел автор после ознакомления с трудами зарубежных и отечественных исследователей, сводятся к следующему:

1. В изучении проблемы исторически и методологически оправданно выделить три периода. Хронологические рамки первого охватывают 1941—1956 годы. Это время накопления источниковой базы (дискуссионные статьи о правомерности уголовного наказания военнопленных, пропагандистские материалы о гуманном отношении СССР к поверженному врагу, первые мемуары о жизни в советском плену). Второй период (1957—1989 гг.) — время становления официальной историографии, появления научных трудов о различных сторонах жизни немецких военнопленных в СССР. Точкой отсчета третьего периода (с 1990 г. и по настоящее время) служат глобальные перемены в стране, инициированные политикой перестройки и гласности. Исследование проблемы выходит на качественно новый уровень.

* Более подробную информацию см.: Новая и новейшая история. — 1998. — № 2. — С. 217—218.

2. Зарубежная историография, в первую очередь западногерманская, значительно превосходит отечественную по количеству изданных работ, что объясняется тремя обстоятельствами:

а) в ФРГ научной общественности предлагалось рассматривать сам факт пребывания солдат и офицеров вермахта в русском плену, как трагическую главу германской и только германской истории;

б) в 1957 г. в Западной Германии проблема немецких военнопленных была объявлена приоритетным исследованием, получающим поддержку на правительственном уровне. В результате к середине 70-х годов увидел свет многотомный труд (22 книги) о судьбе военнопленных второй мировой войны. Семь томов этого издания были посвящены жизни немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза.

в) в бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено. Официальное признание получила только одна тема — создания Национального комитета «Свободная Германия» и его роли в развертывании антифашистского движения среди солдат и офицеров германской армии. Все остальные подробности жизни немецких солдат в плену старательно замалчивались.

3. С начала 90-х годов наблюдается «прорыв в проблему». Впервые за долгие годы российские и зарубежные историки объединяют свои усилия. Исследователи получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, обмениваться научными идеями на конференциях и симпозиумах, публиковать совместные труды. В этот период вырабатываются новые подходы к проблеме антифашистского движения. Актуальность другой темы — уголовного преследования немецких военнопленных — стимулирует государственный и общественный интерес к этому вопросу в ФРГ.

Попытку комплексного исследования в данный период предпринимает профессор С. Карнер, монография которого посвящена судьбам военнопленных и интернированных граждан Германии, Австрии и СССР¹. Российские историки, в свою очередь, обращаются к отдельным аспектам военного плена. Так, вопрос работы с военнопленными в тыловом фронтовом районе рассматривает И. В. Власова², деятельность УПВИ НКВД — МВД СССР — И. В. Безбородова³, совместную антифашистскую рабо-

¹ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1956. — Wien—München, 1995.

² Власова И. В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1995.

³ Безбородова И. В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР (1939-1953 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997.

ту Красной Армии и немецких военнопленных, примкнувших к движению "Свободная Германия" — В. А. Всеволодов¹. Освещение проблемы на региональном уровне не выходит за рамки тезисов и небольших по объему статей.

Резюме. Знакомство с содержанием опубликованных работ показывает, что исследователи сегодня в большей степени поглощены выявлением и изданием конкретного исторического материала, и в гораздо меньшей мере — его анализом и обобщением. О политике советского государства в отношении немецких военнопленных не вышло ни одной специальной статьи ни в России, ни за рубежом. Попытки рассмотреть какой-то отдельный ее срез встречают большие трудности. Объясняется это тем, что связь различных сторон проблемы военнопленных была исключительно тесной, одна воздействовала на другую, ускоряла, либо тормозила тот или иной процесс. Так, на позицию советского государства по отношению к бывшим солдатам и офицерам вермахта оказывали влияние события на международной арене. К сожалению, данное обстоятельство пока не принимается во внимание подавляющим большинством историков.

Источниковую базу исследования составили документы и материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), Архиве военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (ВММ МО), архиве Управления внутренних дел Вологодской области (Архив УВД ВО), Государственном архиве Вологодской области (ГА ВО).

В ГА РФ наибольший интерес для исследования вопроса о политике советского государства в отношении немецких военнопленных представляют материалы так называемых «особых папок» (ф. 9401, оп. 2). В эти «особые папки» вошли доклады (в ряде случаев их сопровождают проекты правительственных решений) руководителей НКВД-МВД на имя И. В. Сталина, Л. П. Берии, В. М. Молотова и других первых лиц по таким вопросам, как судебное преследование военных преступников, репатриация германских подданных на родину и т. д. Ценность этих документов заключается в том, что они, во-первых, дают возможность посмотреть на проблему военнопленных глазами «компетентных органов», а, во-вторых,

¹ Всеволодов В. А. Взаимодействие политорганов Красной Армии и национального комитета "Свободная Германия" в борьбе против фашизма (1943 — 1945 гг.). Дис... канд. ист. наук. — М., 1991.

проследить механизм принятия того или иного правительственного постановления. Кроме того, в ГА РФ имеются приказы, директивы, распоряжения, инструкции и указания НКВД-МВД (ф. 9401, оп. 12), регламентирующие порядок содержания военнопленных, организацию трудового процесса, учета живых и скончавшихся и т. д. Фонд Управления уполномоченного СНК—СМ СССР по делам репатриации (ф. 9526) содержит статистические данные о количестве бывших солдат и офицеров вермахта, отправленных на родину за период с 1947 по 1952 гг., а также итоговый доклад о репатриации советских и иностранных граждан. Крайне любопытны материалы такой организации, как Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (ф. 9501). В годы второй мировой войны в адрес СОКК и КП шли многочисленные письма и телеграммы из штаб-квартиры МККК в Женеве, из опорных пунктов Международного комитета в Анкаре и Тегеране. В этом же фонде сохранилась переписка Красного Креста с правительственными инстанциями, внешнеполитическим ведомством, органами НКВД — МВД. Позиция СОКК и КП по вопросам правового статуса узников войны, установления контактов с МККК в этих письмах прослеживается достаточно четко.

Материалы по теме исследования, имеющиеся в ЦХИДК, рассредоточены по делам фонда ГУПВИ НКВД—МВД — самого обширного фонда под шифром 1/п. В нем автора прежде всего интересовали переписка сотрудников УПВИ с руководителями МВД, а также различного рода справки, отчеты, аналитические записки. Эти документы, предназначенные для внутрислужебного пользования, нередко воссоздают более достоверную картину событий, нежели приглаженные, тщательно отредактированные доклады на имя И. В. Сталина.

Заслуживают внимания хранящиеся в ЦХИДК дела персонального учета военнопленных, которые целесообразно разделить на три группы: дела рядового, унтер-офицерского и офицерского состава (ф. 465п); дела генералов и приравненных к ним высокопоставленных чиновников нацистской Германии (ф. 463п); дела осужденных военнопленных (ф. 460п)¹.

В целом ряде случаев эти источники позволяют судить о степени влияния политики на судьбу конкретной личности. Встречаются документы, свидетельствующие о столкновении позиций различных министерств и ведомств. К примеру, органы МВД и МГБ, как правило, не разделяли заинтересованности СВАГ в возвращении на родину того или иного военнопленного по ходатайству лидеров Восточной Германии.

¹ См. подробнее: Безбородова И. В. Дела персонального учета военнопленных как источник по истории деятельности управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР // Вестник архивиста. — 1992. — № 1. — С. 78-82.

Внешнеполитический аспект проблемы и ее правовую сторону наиболее полно отображают документы, хранящиеся в АВП РФ. При написании диссертации делаются ссылки на такие фонды этого архива, как ф. 06 — секретариат В. М. Молотова, ф. 054 — договорно-правовой отдел (позднее Управление), ф. 082 — референтура по Германии, ф. 0140 — референтура по Швеции, ф. 129 — референтура по США, ф. 132 — референтура по Турции и т. д. — всего 10 фондов.

Данные о количестве бывших солдат и офицеров вермахта во фронтовых лагерях и рабочих батальонах НКО имеются в ЦАМО (см. фонд 67 — фонд начальника тыла Вооруженных Сил). Здесь же можно встретить отчеты об использовании труда немцев на оборонных и прочих объектах. В свою очередь в архиве ВММ МО (см. фонд 1 — фонд начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии) сохранились рапорты и отчеты начальников госпиталей для военнопленных. Первые насыщены жалобами на неудовлетворительное обеспечение раненых и больных медикаментами, продуктами питания, постельными принадлежностями и т.д. Вторые содержат сведения о количестве прооперированных, умерших и выздоровевших пациентов. Наконец, в тех и других документах можно отыскать сведения о крайне неудовлетворительной эвакуации военнопленных в тыл.

Документы местных архивов позволяют проследить механизм реализации правительственных решений по трудовому использованию военнопленных. При этом можно наблюдать столкновение интересов различных ведомств, попытки обкомов и облисполкомов вмешаться в распределение рабочей силы. В материалах ГАВО (см. фонд 1300) эта типичная для регионов картина видна во всех ее проявлениях.

В архивах областных, краевых и республиканских управлений внутренних дел есть фонд под номером 6, в котором хранятся копии приказов, директив, распоряжений и инструкций центра. В него же вошли документы об оперативно-агентурной работе с военнопленными, сведения о захоронениях немецких солдат и офицеров. Хранящаяся здесь же переписка с Москвой показывает, с какими трудностями проводилось в жизнь то или иное указание МВД СССР.

При работе над диссертацией использованы сборники документов по истории второй мировой войны и внешней политике СССР, зарубежная и отечественная литература. В ходе исследования автор счел необходимым обратиться к материалам периодической печати сороковых — пятидесятых годов. Ценность этого вида источника заключается в том, что он, во-первых, выполняет информативную функцию, во-вторых, наглядно демонстрирует идеологический подход СССР и западных держав к таким проблемам, как правовой статус, репатриация и уголовное преследование немецких военнопленных.

Проблема исследования состоит в том, чтобы выявить важнейшие факторы, под воздействием которых формировалась политика СССР по отно-

шению к немецким военнопленным, определить основные направления, характер и особенности этой политики в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в том, чтобы воссоздать максимально полную и объективную картину политики советского государства по отношению к немецким военнопленным.

О достижении поставленной цели будет свидетельствовать решение следующих задач:

1. Выработка исторически и методологически оправданной периодизации, которая бы охарактеризовала состояние зарубежной и отечественной историографии по теме исследования.
2. Ликвидация «белых пятен» в истории дипломатических контактов Москвы с Международным комитетом Красного Креста и ООН, воссоздание неизвестных страниц истории переговоров по вопросу правового статуса военнопленных, в которых принимали участие такие страны, как СССР, ФРГ, ГДР, США, Великобритания, Швеция, Болгария.
3. Критическое переосмысление двух традиционных версий: с одной стороны — об ужасах русского плена, с другой — об исключительно гуманной политике СССР в отношении обезоруженного противника.
4. Характеристика эволюции взглядов советского руководства на правовой статус военнопленных в двадцатые — тридцатые годы и в период Великой Отечественной войны.
5. Выявление связи между политикой репатриации и трудового использования немецких военнопленных, анализ особенностей этой политики.
6. Правовая и политическая оценки судебных процессов над немецкими военными преступниками. Проведение четкой границы между первыми послевоенными судами и закрытыми заседаниями военных трибуналов конца сороковых — начала пятидесятых годов.
7. Характеристика правовых, дипломатических и нравственных аспектов внешней политики СССР в вопросе освобождения военных преступников. Выявление и анализ подходов советского руководства к решению этой проблемы до марта 1953 г. и в последующий период.
8. Критический анализ нормативно-правовой базы по вопросам военного плена с позиций современной науки.

Методология исследования. Основу решения поставленных автором проблем составили общепринятые в историческом исследовании принципы диалектики и историзма, объективности и системности научного анализа.

Принципы диалектики и историзма позволили рассмотреть политику советского государства в отношении немецких военнопленных в динамике, в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с процессами, происходившими внутри страны и на международной арене. Обратная связь, к примеру, осо-

бенно отчетливо видна при анализе позиции советского правительства в вопросе о капитуляции перед противником военнослужащих Красной Армии.

Принцип научной объективности дал возможность проанализировать проблему с учетом исторических реалий сороковых — пятидесятых годов. Руководствуясь этим же принципом, автор стремился преодолеть сложившиеся стереотипы с одной стороны — об агрессивной природе так называемого империалистического лагеря, с другой — о якобы генетически присущей социалистическому строю гуманности.

Еще совсем недавно объективность возводилась в абсолют. Диссертант придерживается мнения, что объективное и субъективное неразрывно связаны. В этой связи исследованию роли субъективного фактора в формировании политики советского государства в отношении военнопленных придавалось особое значение.

Принцип системности научного анализа позволил рассмотреть разные по времени, содержанию и направленности решения правительственных и ведомственных инстанций по проблеме немецких военнопленных как звенья единой государственной политики. С помощью метода сравнительного анализа дана периодизация репатриационного процесса и репрессивной практики в отношении бывших солдат и офицеров вермахта, определены характерные особенности каждого из выявленных периодов.

При оценке фактов и событий автор исходил из приоритета общечеловеческих ценностей. Соблюдение этого требования помогло освободить исторический труд от конъюнктурных наслоений и политической ангажированности. Нельзя, однако, забывать о том, что любая политика была и остается продуктом интересов определенных классов и конкретных социально-экономических условий. Данное обстоятельство также учитывалось при анализе положения немецких военнопленных в СССР.

Объект исследования. Как известно, любая наука начинается с выработки понятийного, категориального аппарата. В этой связи крайне важно правильно определить предмет и объект исследования. В нашем случае объектом изучения служит история пребывания в плену СССР солдат и офицеров германской армии. В этой истории имеется еще немало «белых пятен», целый ряд вопросов требует критического переосмысления.

Предмет исследования. Правовой статус обезоруженного противника, морально-психологический климат, бытовые, и прочие условия нахождения немецких военнопленных за колючей проволокой, равно, как и их судьбу, прежде всего определяла политика советского государства по отношению к побежденному врагу. Именно эта политика во всем многообразии ее сторон и проявлений является предметом настоящего исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия (первые немецкие солдаты и офицеры были пленены в июне 1941 г., последние вернулись на родину

в январе 1956 г.) Однако для всестороннего анализа формировавшейся в СССР доктрины военного плена потребовалось обратиться к некоторым фактам и событиям двадцатых — тридцатых годов, изучить ряд документов, появившихся в это время.

Территориальные рамки исследования имеют два уровня. Первый и основной — это СССР в его довоенных и послевоенных границах. Второй, дополнительный уровень охватывает территорию Германии, куда репатрировались немецкие военнопленные и где осуществлялся их межзональный обмен.

При рассмотрении вопроса о правовом статусе обезоруженного противника потребовалось также изучить контакты советских дипломатов с представителями правительственных и общественных кругов Соединенных Штатов, Великобритании, Швеции, уполномоченными МККК в Турции и Иране. В свою очередь выяснение позиции СССР по проблеме освобождения военных преступников было бы невозможно без анализа обстановки на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке или же изучения документов конференции Международного Красного Креста в Торонто.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и восьми приложений (документальных подборок содержательного и статистического характера, списка источников и использованной литературы, именного указателя).

Содержание и основные результаты исследования

Первая глава диссертации “Историография вопроса о немецких военнопленных в СССР” состоит из трех параграфов, каждый из которых посвящен отдельному периоду в изучении проблемы. Целесообразно рассмотреть особенности каждого из них. Так, главной отличительной чертой первого периода (1941 — 1956 гг.) является обращение ученых, политиков, публицистов к проблеме судебного преследования нарушителей законов и обычаев войны. Дискуссию о правомерности уголовного наказания военнопленных с советской стороны ведут профессор А. Н. Трайнин, его коллеги Д. Б. Левин, Н. Н. Полянский, Б. В. Глебов, Б. С. Маньковский.¹

¹ Трайнин А. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. — 1944. — № 9. — С. 16-18; он же: Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. — 1944. — № 1. — С. 19-21; Левин Д. Б. Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права. — М.: Юриздат, 1945; Полянский Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. — М.: - Л.: Изд-во АН СССР, 1945; Глебов Б. Военные преступники перед Советским судом // Советское государство и право, 1946. — № 2. — С. 52-57; Маньковский Б. С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного Совета в Германии // Советское государство и право. — 1946. — № 9. — С. 53-55.

Доводы отечественных юристов в этот период пытаются опровергнуть германские ученые. В частности, Г. Латерзнер, пытаясь снять вину с военных преступников, обращает внимание на двусмысленное положение немецкого солдата: «Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху, а согласно международному уголовному праву, должен был теперь подвергнуться наказанию потому, что совершил нечто такое, от чего не мог отказаться»¹.

В начале пятидесятых годов в СССР завершились судебные процессы над немецкими военнопленными, которые за рубежом были восприняты весьма критически. На волне антисоветской кампании канцлер ФРГ К. Аденауэр заявил в бундестаге, что военных преступников среди личного состава вермахта было ничтожно мало.² Более конструктивная критика в адрес Советского Союза прозвучала со стороны западногерманских ученых Р. Маураха и Г. Фрея.³ Последний проанализировал основные положения УПК РСФСР (Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации), которые, с его точки зрения, либо нарушались, либо соблюдались чисто формально.

Второй особенностью первого периода историографии следует считать появление на страницах прессы пропагандистских материалов о положении немецких военнопленных в плену СССР. Рассказы обезоруженных немецких солдат, которые печатают «Правда», «Красная звезда» и особенно газеты Главного политического управления Красной Армии насыщены подробностями сытой и обустроенной жизни пленных немцев в советских лагерях.⁴ В свою очередь печать ФРГ пятидесятых годов пестрит материалами об ужасах русского плена, о бесчеловечном отношении СССР к судьбам сотен тысяч узников войны и их близких в Германии.

Наконец, в рассматриваемый период появляются первые мемуары о жизни в советском плену. Политики используют их для обработки населения в антикоммунистическом духе. Наряду с крайне тенденциозными по своему содержанию, публикуются и воспоминания, претендующие на объективное изложение событий. Так, А. Эндерс и В. Шварц находят теп-

¹ Цит. по: Латерзнер Г. Вторая мировая война и право. В кн.: Итоги второй мировой войны. Сборник статей. Пер. с нем. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. — С. 549.

² См.: Борозняк А. И. «Так разрушается легенда о чистом вермахте...» Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза // Отечественная история. — 1997. — № 3. — С. 108.

³ Maurach R. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Gefangene in der Sowjetunion. — Hamburg, 1950; Frey G. Das Strafverfahren gegen deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Zur formalrechtlichen Seite der Verurteilungen // Osteuropa Recht. — 1995. — № 1. — H. 1. — S. 31-37.

⁴ См. напр.: Красная звезда. — 1942. 31 марта; Правда. — 1942. — 4 июня.

лые слова в адрес советских людей, с которыми им приходилось делить все трудности послевоенного времени.¹

Второй период историографии проблемы (1957-1989 гг.) связан с дальнейшим углублением идеологического противостояния двух общественных систем. В эти годы выходит в свет "Многотомная история немецких военнопленных", семь томов которой посвящены жизни немецких солдат и офицеров в советском плену. Авторский коллектив широко использовал при подготовке издания воспоминания военнопленных, поэтому субъективное начало в повествовании чувствуется довольно сильно. Вызывают серьезные возражения выводы авторов о решающей роли немецких военнопленных в восстановлении народного хозяйства СССР и некоторые другие положения многотомного труда. Тем не менее, заключение, к которому пришли западногерманские историки, заслуживает внимания. По их мнению, в положении советских и немецких военнопленных в годы второй мировой войны имелись принципиальные различия. Немцы в России получали тот же набор продуктов, что и гражданское население, а офицеры — даже больше, поскольку имели повышенную норму питания. То же самое можно сказать о расстрелах пленных солдат и офицеров вермахта, которые были либо следствием перегибов на местах, либо ответной реакцией красноармейцев на жестокость противника. Ни Верховное командование Красной Армии, ни НКВД не отдавали приказов на уничтожение обезоруженного врага.²

В первой половине восьмидесятых годов выходят в свет работы М. Ланга и А. Леманна.³ Первый из упомянутых авторов исследовал вопрос об уголовном преследовании немецких военнопленных в СССР в конце сороковых — начале пятидесятых годов. По замечанию историка, закрытые заседания военных трибуналов не имели ничего общего с законностью и правосудием. Большинство обвиняемых было осуждено по различным статьям Уголовного кодекса за преступления, весьма далекие от того, чтобы классифицировать их как нарушение норм международного военного права.

Профессор А. Леманн, в отличие от своего коллеги, делает попытку охватить весь круг проблем, связанных с пребыванием немецких военнопленных в СССР. Историк старается быть объективным, о чем говорит, к

¹ Enders A. 50 Monate Sibirien. — Rehau - Of, 1950; Schwarz W. Des Ostwinds eisiger Psalm. Erlebnisse und Betrachtungen aus 9 Jahren sibirischer Gefangenschaft. — Berlin - Darmstadt, 1955.

² Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7. — München, 1966. — S. 109.

³ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981; Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986.

примеру, следующая цепочка выстроенных им наблюдений. Судьба военнопленных, наряду с таким вопросом, как объединение Германии, была для немцев проблемой общенациональной. Однако потребовалось преодолеть экономические трудности, обрести государственность, прежде чем общество смогло уделить им материальную, а потом и нравственную поддержку. Именно с этого времени, т. е. с начала пятидесятих годов, политическое давление на СССР по поводу репатриации последних узников войны заметно усилилось. В ФРГ возвращавшихся на родину встречали как героев, ораторы произносили патетические речи, раздавались требования учредить специальную награду за длительное пребывание в советском плену. В развернутой политиками пропагандистской кампании чувствовалась некоторая односторонность — все словно забыли “об ужасной судьбе русских военнопленных”.¹

В западногерманской литературе довольно часто встречаются ссылки на исследование, которое провел американский историк А. М. де Цаяз. Анализируя ситуацию с нарушением законов и обычаев войны со стороны СССР, этот ученый приводит такие данные: до 95% солдат и офицеров вермахта, попавших в плен в 1941 — 1942 гг., были убиты красноармейцами или погибли от произвола советских властей несколько позже.²

Вопросу репатриации немецких военнопленных на родину посвящены монографии американского историка А. Смита.³ Автор обращает внимание читателя на то, что советские, американские и британские военные власти не сумели организовать персональный учет немецких солдат в период их массового пленения. Союзники, однако же, вскоре овладели ситуацией. Что касается Москвы, то она по политическим, экономическим и иным мотивам вообще была не заинтересована в разглашении достоверной информации о поверженном противнике. Историк ставит под сомнение данные о количестве репатриированных (1003974 чел.) и остающихся в СССР немецких военнопленных (890532 чел.), названные в сообщении ТАСС от 15 марта 1947 года.

Третий период историографии следует датировать началом девяностых годов. Выходу на качественно новый уровень исследования проблема военного плена обязана политике гласности и переосмысления советской истории. Появляется на свет сообщение ТАСС от 13 апреля 1990 г., обя-

¹ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986. — S. 138-139.

² Zayas A. Die Wehrmacht — Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. — München, 1980. — S. 277.

³ Smith A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. — Stuttgart, 1985; Smith A. “Die vermisste Million”. Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangener nach dem zweiten Weltkrieg. — München, 1991.

вившее гибель пленных польских офицеров тяжким преступлением сталинизма (до этого официально считалось, что пленных поляков расстреляли немцы — *прим. В. К.*). Продвижению вперед в изучении проблемы немецких военнопленных способствовал продуктивный российско-германский диалог. В частности, совместное заявление президента России Б. Н. Ельцина и канцлера ФРГ Г. Коля от 16 декабря 1992 г. о необходимости реабилитации германских подданных, осужденных по политическим мотивам.

Новые подходы в изучении проблемы прежде всего коснулись деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Российские историки А. И. Борозняк, Л. И. Гинцберг, германские ученые П. Штайнбах и Г. Юбершер убедительно доказывают, что на оценку НКСГ и СНО на протяжении почти полувека накладывали отпечаток идеологические штампы и стереотипы времен холодной войны. В недавно вышедшем совместном труде германских и российских исследователей история той и другой организаций предстает перед нами в свете неизвестных архивных документов.¹

Центральное место в исследованиях по-прежнему занимает проблема уголовного преследования немецких военнопленных. Серию новейших зарубежных публикаций по этой теме открывает документальный сборник Г. Вагенленера.² Профессор Карнер (г. Грац, Австрия) посвящает судебному преследованию солдат и офицеров вермахта отдельную главу своей монографии.³ В расчете на объективное восприятие событий минувшей войны осуществил публикацию протоколов суда над военными преступниками в Минске Х. Геер. А его коллега М. Мессершмидт анализирует этот процесс в своей статье.⁴

Репрессивной политике Советского Союза в отношении немецких военнопленных посвятил несколько своих статей исследователь Н. В. Петров.⁵

¹ См.: Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Пер. с нем. — Красногорск, 1996.

² Wagenlehner G. (Hg.) Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse. — Bonn, 1993.

³ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1956. — Wien — München, 1995. — S. 170-178.

⁴ Messerschmidt M. Der Minsker Prozess 1946. Gedanken zu einem Sowjetischen Kriegsverbrechertribunal. In: Heer, Hannes / Naumann, Klaus (Hg.): Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944. — Hamburg, 1995. — S. 551 — 568.

⁵ Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins. Gerichtsprozesse gegen Kriegsgefangene der deutschen Armee in der UdSSR 1943 — 1952 // "Gefangen in Russland". Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 (Hg. Karner S.). — Graz-Wien, 1995, S. 194-221; Петров Н. В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941 — 1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997.

Эту же тему развивает в своих публикациях другой российский историк А. А. Крупенников.¹ Особого внимания, однако, заслуживает монография А. Е. Епифанова «Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР».² Историк очень подробно анализирует работу Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию фашистских злодеяний. Собранные комиссией материалы фигурировали в процессе дознания и в суде. Несмотря на высокую степень объективности заключений ЧГК, некоторые ее документы не отличались точностью фактов и достоверностью свидетельских показаний. Любопытны архивные материалы, демонстрирующие реакцию военнопленных на несправедливо вынесенные приговоры. Привлекает то, что автор подкрепляет свои выводы о работе «компетентных органов» по выявлению военных преступников свидетельствами очевидцев. О событиях прошлого рассказывают бывшие сотрудник оперативно-чекистского отдела, переводчик, надзиратель тюрьмы.

К разряду малоизученных относится вопрос о возвращении на родину бывших солдат и офицеров вермахта. Историк А. Ф. Бичехвост, к примеру, лишь частично затрагивает эту проблему в своем исследовании.³ Небольшие по объему статьи В. П. Галицкого и Г. М. Иваницкого также не восполняют указанный пробел.⁴ Выяснением позиции руководства ГДР по вопросу репатриации германских подданных в конце сороковых — начале пятидесятих годов ограничила свое исследование Б. Ильме-Тухель.⁵

¹ Крупенников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947—1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // *Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства*. — Екатеринбург, 1992, с. 83—85; он же: О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х годов // *Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Трагедия плена»*. — Красногорск, 1996, с. 177—183; он же: О некоторых судебных процессах против военных преступников // *Проблемы военного плена: история и современность*. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 101—118.

² Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). — Волгоград: Волгоградский юридический ин-т МВД России, 1997.

³ Бичехвост А. Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутриполитические и международные аспекты (1944—1953 гг.). Дис... докт. ист. наук. — Саратов, 1996.

⁴ Галицкий В. П. Репатриационная политика советского правительства во второй мировой войне и после нее // *Трагедия плена*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 110—112; там же: Иваницкий Г. М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза. — С. 118—122.

⁵ Ilme-Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955 // *Deutschland Archiv*. — 1994. — № 27. — H. 5. — S. 490—503.

Трудовой аспект проблемы немецких военнопленных в СССР рассматривают российские историки М. Ф. Колеров и В. П. Галицкий.¹ На региональном уровне к этой же теме обращаются Е. К. Рожкова и Н. В. Баранова.²

Наконец, проблеме воинских захоронений (истории и нынешнему состоянию кладбищ пленных солдат и офицеров) посвящают свои публикации В. Бем, М. Е. Ерин, В. К. Смирнов, Т. Г. Ибатуллин, В. П. Мотревич.³

Основные выводы. Значительный пласт разнородного фактологического материала не раскрывает важнейшие направления, характер и особенности политики советского государства в отношении немецких военнопленных в период 1941—1955 годов. Наименее изученными являются как раз ключевые вопросы этой политики, а именно:

1. Позиция СССР в вопросе правового статуса узников войны, его реакция на попытки МККК, союзников по антигитлеровской коалиции и нейтральных держав облегчить положение военнопленных путем переговоров на дипломатическом уровне.

2. Трудовое использование и репатриация военнопленных немцев. Зависимость характера и темпов репатриации от потребностей советской экономики, физического состояния рабочей силы, военно-политической обстановки, идеологического прессинга и морального давления со стороны западных держав.

3. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Особенности репрессивной политики государства в первые послевоенные годы и на рубеже 40—50-х годов.

¹ Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма. По материалам "Особой папки" Л. П. Берии (1946-1950) //Родина. — 1997. — № 9. — С. 79-83; Галицкий В. П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР //Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. — М.: Памятник исторической мысли, 1997. — С. 63-69.

² Рожкова Е. К. Использование иностранных военнопленных на промышленных предприятиях Чкаловской области (1943-1950 гг.) //Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997. — С. 239-242; там же: Баранова Н. В. Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконверсии промышленности). — С. 226-230.

³ Бем В. Судьба кладбищ немецких военнопленных. //Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий. — СПб., 1993. — С. 149—170; Ерин М., Смирнов В. Судьба военнопленных немцев //Северный рабочий. — 1991. — 21 ноября.; Ибатуллин Т. Г. Деятельность Санкт-Петербургского центра "Примирение", его цели и задачи //Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — С. 97—98; Мотревич В. П. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области //Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. — Вологда, 1997. — С. 149-154.

4. Общее и отличное в подходах сталинского правительства и преемников умершего вождя к освобождению германских подданных. Внешне-политический аспект этой проблемы.

Вторая глава. "Отношение советского государства к проблеме военного плена в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны" состоит из двух параграфов. В ней рассматриваются правовые и военно-политические аспекты данного вопроса, а также дипломатические контакты между СССР и Международным комитетом Красного Креста. Основные выводы, к которым пришел автор в результате своего исследования, могут быть сформулированы следующим образом.

1. Негативное отношение СССР к проблеме военного плена сформировалось еще до начала Великой Отечественной войны. При этом сталинское правительство проигнорировало тот факт, что отказ подписать Женевскую конвенцию 1929 г. может быть использован напавшей стороной для оправдания преступных методов ведения войны и противоправного обращения с попавшими в плен красноармейцами.

2. Свою политику по отношению к военнопленным на дипломатическом уровне СССР выстраивал, исходя из соображений военной необходимости. В надежде сдержать наступательный порыв войск вермахта международно-правовыми средствами сталинское правительство поначалу демонстрировало намерение присоединиться к Гагской конвенции 1907 года. После поражения немцев под Москвой оно потеряло всякую заинтересованность в переговорах по облегчению участи узников войны. Ссылка В. М. Молотова на Гагскую конвенцию (нота от 12 апреля 1942 г.), которой якобы готов был придерживаться СССР, преследовала исключительно пропагандистские цели. Неизменно враждебное отношение к собственным военнопленным (приказ № 270 от 16 августа 1941 г.,¹ создание сети фильтрационных лагерей,² шокирующие заявления советских дипломатов С. А. Виноградова и А. М. Коллонтай³) — убедительное тому подтверждение.

3. Неблагоприятно складывающейся обстановкой на советско-германском фронте и пропагандистскими соображениями объясняется решение СССР пойти на сотрудничество с Международным комитетом Красного Креста в первые дни войны. Уже в декабре 1941 г. правительство сочло эти

¹ Приказ № 270 от 16.08.41 г. предписывал уничтожать сдающихся в плен красноармейцев и командиров всеми имеющимися средствами. Семьи изменников—красноармейцев предлагалось лишать материальной помощи, семьи изменников—офицеров — подвергать аресту.

² Эти лагеря для проверки «окруженцев» создавались по постановлению ГКО № 1069 сс от 27 декабря 1941 года.

³ Смысл этих заявлений сводился к следующей формуле: «У СССР нет военнопленных, все сдавшиеся врагу являются предателями».

контакты нецелесообразными. В результате находившиеся в СССР немецкие военнопленные, равно как и советские, лишились последнего шанса на обмен, репатриацию в нейтральное государство в случае тяжелого заболевания, гуманитарную помощь и моральную поддержку извне.

4. Принятое СНК СССР «Положение о военнопленных» отвечало основным требованиям международного права. О сохранении жизни и здоровья, чести и достоинства обезоруженных солдат говорят приказы, директивы и распоряжения органов НКВД и военного командования. Однако на практике немецкие военнопленные далеко не всегда были защищены от мести красноармейцев, преступных посягательств мародеров, нечистой на руку лагерной администрации. Зная о существующем положении вещей, власть видела свою задачу в том, чтобы не дать криминальным инцидентам вылиться в массовый произвол. Квинтэссенцией двусмысленной политики государства по отношению к поверженному врагу могут служить слова И. В. Сталина, обращенные к командующему Резервным фронтом Г. К. Жукову: «Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием (перебежчика — В. К.), а потом расстреляйте»¹.

5. Как бы ни был велик соблазн некоторых историков поставить на одну доску политику Сталина и Гитлера по отношению в первом случае к немецким, во втором — к советским военнопленным, реальное историческое содержание не позволяет этого сделать. Сравнительный анализ положения военнопленных заставляет историка обратить внимание на следующие факты:

— смертность немецких солдат и офицеров в лагерях СССР, судя по анализу архивных документов самого различного происхождения, не превышала 550 тысяч человек. Разумеется, цифра астрономическая, за которой кроется огромное людское горе. Однако же смертность советских военнопленных в лагерях Германии составила более трех миллионов человек. Игнорировать эту ошутимую диспропорцию — значит сознательно уходить от объективного освещения событий минувшей войны;

— в отличие от нацистской Германии, СССР всегда подчеркивал, что на пленных немецких солдат и офицеров распространяются международно-правовые нормы. «Положение о военнопленных», принятое СНК 1 июля 1941 года, документально подтверждало заявление советской стороны на этот счет.

— в приказах командования Красной Армии и НКВД никогда не содержалось установки на уничтожение пленных, тем более — по политическим мотивам или расовому признаку;

— если голодное существование красноармейцев в лагерях Германии было узаконено соответствующими инструкциями, а их гибель от непосильной работы заранее планировалась министерством труда, то советское пра-

¹ Цит. по: Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10. — С. 216.

вительство переложило все тяготы войны на собственный народ. Гражданское население, получавшее продукты по карточкам, питалось ничуть не лучше пленных немецких солдат. А в неурожайные годы от голода погибали и те, и другие;

— советские лагеря для военнопленных никогда не были базой для медицинских экспериментов, в них не дымили трубы крематориев, не устраивались публичные казни.

Третья глава диссертации, состоящая из трех параграфов, озаглавлена «Репатриация и трудовое использование немецких военнопленных как единые звенья государственной политики». Возвращение германских подданных на родину проходило в два этапа. Особенности первого (июнь 1945 — февраль 1947 гг.) сводятся к следующему:

— после капитуляции Германии в массовом порядке отправлялись на родину только инвалиды и тяжелобольные немцы рядового состава;

— от репатриации отстранялись офицеры и рядовые, служившие в подразделениях СС, СД и других формированиях, которые СССР рассматривал как преступные;

— процесс репатриации в этот период носил крайне неорганизованный характер. Отсутствовал надлежащий учет, передача пленных местным властям и союзникам нередко осуществлялась без именных списков и специальных актов. Многие отпущенные на родину из тыловых лагерей не получили на руки никакого документа, который бы зафиксировал их трудовую деятельность в плену, заболевание или же полученную производственную травму;

— помимо инвалидов и тяжелобольных в Германию небольшими партиями отправляли антифашистов и передовиков производства, чтобы не лишить «остающихся побудительного мотива к повышению производительности и качества труда»¹.

Особенностями репатриационной политики советского государства на втором этапе (март 1947 — май 1950 года) следует считать:

— нежелание СССР публично заявить о своей позиции по вопросу репатриации германских подданных. Советская сторона ограничивается ответными нотами в адрес США, Великобритании и Франции, которые все настойчивее требуют вернуть немецких военнопленных на родину. При этом они делают вполне законную ссылку на решение Московской сессии СМВД по данному вопросу;

— в рассматриваемый период СССР принимает свой план по репатриации военнопленных, предусматривающий задержание в качестве заложников не менее пятидесяти тысяч немцев, отнесенных к категории военных преступников;

¹ ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 23. — Д. 14. — Л. 3

— темпы репатриации устанавливаются советской стороной, исходя из международной обстановки. Принятие союзниками плана Маршалла, блокада Берлина, к примеру, резко уменьшают количество кандидатов на возвращение в западные зоны оккупации Германии.

По поводу количества немецких солдат и офицеров, возвратившихся из СССР на родину, до сих пор существуют различные мнения. Диссертанту удалось обнаружить документы, которые свидетельствуют о манипулировании цифрами, характеризующими число репатрируемых германских подданных. В свете этих документов сообщение ТАСС от 15 марта 1947 года (возвращено в Германию 1003974 немца) следует поставить под сомнение. Если исходить из цифр, которыми оперировали сотрудники ГУПВИ МВД, то на 8 марта 1947 года на родину было отправлено 785 975 немецких военнопленных (см. таблицу)¹.

Количество репатриированных	Краткий комментарий
195 684	По постановлению ГКО № 8921 "сс" от 04. 06. 1945 г. было освобождено 232 948 военнопленных (195 684 немца и 37264 австрийца).
412 000	В соответствии с постановлением ГКО № 9843 "сс" от 13. 08. 1945 г. должны были быть освобождены 412 000 пленных немцев. Занимаясь подсчетами, сотрудники ГУПВИ МВД, по всей вероятности, брали за основу именно эту цифру, хотя в "Справке об освобождении и репатриации военнопленных" графа "фактически освобождено" осталась незаполненной.
146 802	Эта цифра фигурирует в докладе С. Н. Круглова И. В. Сталину. Что же касается "Справки об освобождении и репатриации военнопленных", то в ней говорится, что по постановлению СМ СССР № 1263 — 519 "сс" от 18. 06. 1946 г. освобождено 175 955 военнопленных "западной национальности", тогда как предполагалось освободить 152 121 человек. Дифференциация по национальностям отсутствует.
28 430	Как следовало из постановления СМ СССР № 2728 — 1124 "сс" от 23. 12. 1946 г., в Германию должны были отправить 27 500 пленных и интернированных немцев. Фактически же было репатрировано 28 430 военнопленных (без учета интернированных).
3 059	В указанное количество репатриированных прежде всего вошли выпускники антифашистских школ и курсов. Самая многочисленная группа (594 человека) была направлена в распоряжение СВАГ в ноябре 1946 года.
<i>Итого: 785 975</i>	

¹ ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 01е. — Д.46. — Л. 143 — 144

Политика репатриации тесно связана с трудовым использованием военнопленных. Более того, тот и другой процесс являются едиными звеньями государственной политики СССР. Правомерность этого тезиса подтверждают результаты проведенного исследования.

Свое идеологическое обоснование связь между политикой трудового использования военнопленных и политикой репатриации получила еще в годы Великой Отечественной войны. С помощью Национального комитета «Свободная Германия» пропагандировался ударный труд, объявленный залогом возвращения на родину сразу же после войны.

После капитуляции фашистской Германии меняется не только пропагандистская установка (свидание с близкими — это реальная перспектива, приблизить которую может добросовестный труд), но и сам характер трудового процесса. Эпизодическое привлечение пленных к работам в народном хозяйстве СССР по отдельным решениям Государственного Комитета Обороны сменяется широкомасштабной программой их трудового использования (см. таблицу).

**Занятость военнопленных в различных отраслях
народного хозяйства по состоянию на 1 октября 1946 года**

Отрасли экономики и объекты трудоустройства	Кол-во военнопленных
Угольная промышленность	108 805
Важнейшие стройки	230 387
Строительство шоссейных дорог и БАМа	174 674
Предприятия министерств электростанций, цветной и черной металлургии	99 675
Авиационная, автомобильная отрасли, машиностроение и станкостроение	100 804
Лесная и целлюлозно-бумажная отрасли	58 215
Восстановление городов	46 168
Предприятия прочих министерств и ведомств	999 694
Всего используется на работах	1 718 422

Первый этап репатриации, помимо прочего, выполняет роль регулятора эффективности труда. Отправка в Германию инвалидов и тяжелобольных избавляет предприятия и стройки от необходимости производить затраты на содержание нетрудоспособного контингента.

На втором этапе на характер и темпы возвращения немцев на родину все сильнее влияет политический фактор. Однако даже в условиях дипломатического давления со стороны бывших союзников, которые после Московской сессии СМВД настойчиво требуют вернуть узников войны их семьям, СССР не считал возможным отказаться от услуг германской рабочей силы.

С точки зрения международного права репатриация немецких военнопленных неоправданно затянулась. Данное обстоятельство способствовало появлению версии о сотнях тысяч немецких военнопленных, обреченных трудиться на урановых рудниках и доживать свои последние дни в так называемых «лагерях молчания». Этот пропагандистский миф не подтверждается архивными документами. Менее 20 тысяч немцев, оставшихся в СССР на положении военных преступников в начале 50-х годов, не могли сыграть существенной роли в подъеме советской экономики.

В четвертой главе, состоящей из двух параграфов, под названием «Проблема уголовного наказания немецких военных преступников» исследуется репрессивная политика советского государства в отношении немецких военнопленных, подозреваемых в совершении военных и прочих преступлений. Тщательное изучение и анализ архивных документов, зарубежной и отечественной литературы, сопоставления фактов и событий полувековой давности позволяют сделать следующие выводы.

1. Репрессивную политику СССР по отношению к бывшим солдатам и офицерам германской армии характеризуют видимая и теневая стороны. Первая нашла свое воплощение в открытых судебных процессах 1945—1947 гг., вторая — в административном и уголовном преследовании военнопленных по принципу потенциальной опасности для советского режима и политическим мотивам.

2. Открытые процессы над военными преступниками проходили в два этапа. Первый раунд судебных разбирательств (декабрь 1945 — январь 1946 г.) был воспринят бывшими союзниками СССР как вполне закономерное явление. Несмотря на заранее отработанный сценарий и predetermined приговор, заседания военных трибуналов отличает высокая степень объективности рассмотренных дел. А главное — подавляющее большинство обвиняемых действительно заслуживали сурового наказания. Второй раунд судебных разбирательств (октябрь — декабрь 1947 г.), помимо своего прямого назначения, имел политическую подоплеку. В противовес западной политике

реабилитации нацистов, СССР наглядно демонстрировал мировой общественности курс на дальнейшее разоблачение фашистских преступников.

В общей сложности в 1945 — 1947 гг. к уголовной ответственности было привлечено 222 военных преступника. Местами проведения открытых судебных процессов прежде всего становились города, пострадавшие от фашистской оккупации. Время и место проведения публичных заседаний военных трибуналов, а также количество осужденных на них военнопленных характеризуют две нижеприведенные таблицы.

Таблица № 1

**Информация с открытых судебных процессов, прошедших
в декабре 1945 — январе 1946 года**

Место проведения	Дата проведения	Приговорено к смертной казни		Приговорено к каторжным работам		Общее кол-во осужденных
		Всего	в т. ч. генералов	Всего	в т. ч. генералов	
Смоленск	16 – 19 дек. 1945 г.	7	–	3	–	10
Брянск	25 – 30 дек. 1945 г.	3	2	1	–	4
Ленинград	29 дек. 1945 г. 5 янв. 1946 г.	8	1	3	–	11
Николаев	12 – 17 янв. 1946 г.	7	1	2	–	9
Минск	15 – 29 янв. 1946 г.	14	3	4	–	18
Киев	17 – 29 янв. 1946 г.	12	3	3	–	15
Великие Луки	26 – 31 янв. 1946 г.	8	1	3	–	11
Рига	28 янв. – 3 февр. 1946 г.	8	7	–	–	8
Итого:		67	18	19	–	86

Источник: Материалы советской прессы; Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР. — М.: Изд-во Министерства юстиции, 1946. — С. 5—6, 66.

**Информация с открытых судебных процессов,
прошедших в октябре — декабре 1947 года**

Место проведения	Дата проведения	Количество осужденных на срок от 10 до 25 лет	
		Всего	в т. ч. гене- ралов
Сталино	25 – 30 октября	12	1
Бобруйск	28 октября – 4 ноября	21	4
Севастополь	12 – 24 ноября	12	1
Чернигов	14 – 25 ноября	16	–
Полтава	23 – 29 ноября	22	2
Витебск	1–3 декабря	7	3
Кишинев	10 – 15 декабря	11	1
Новгород	12 – 18 декабря	19	2
Гомель	15 – 22 декабря	16	3
Итого:		136	17

Источник: Материалы советской прессы; ГА РФ. — Ф. Р. — 9401. — Оп. 2. — Д. 199. — Л. 33—37.

3. Теневая сторона репрессивной политики в отношении немецких военнопленных проявляется в следующих формах:

— еще в 1944 г. появились режимные лагеря, предназначенные для так называемых «активных фашистов», саботажников, нарушителей трудовой дисциплины, лиц, склонных к побегу. Количество режимных лагерей с каждым годом увеличивается;

— в нарушение Нюрнбергских договоренностей, советская сторона включает в перечень военных преступников представителей германского Верховного командования, Генштаба, руководителей низовых организаций НСДАП и т. д. Военнопленные названных категорий ставятся на особый учет и отстраняются от репатриации на родину;

— в октябре 1947 г. принимается решение об организации закрытых судебных процессов. К уголовной ответственности планируется привлечь

548 немецких военнопленных.¹ В числе обвиняемых можно видеть не только солдат, совершивших преступления на оккупированной территории СССР, но и так называемых «реваншистски настроенных лиц» — пленных, не согласных с политикой СССР по германскому вопросу или же выразивших желание пойти на «службу к американскому империализму».

4. Ярko выраженный политический характер имели закрытые судебные процессы, прошедшие на рубеже сороковых — пятидесятих годов. Правительство СССР, завершавшее в эти дни репатриацию немецких военнопленных, сознательно шло на привлечение к уголовной ответственности тех военнослужащих вермахта, в которых оно видело, во-первых, идейных противников советского строя; во-вторых, командные кадры будущей армии ФРГ; в-третьих, обстрелянных солдат блока НАТО. В пользу версии о политическом характере судебных процессов говорит намерение И. В. Сталина использовать осужденных немцев в качестве заложников при урегулировании германской проблемы. Наконец, данное обстоятельство подтверждают переговоры советской стороны с будущими руководителями ГДР в сентябре 1949 года².

С правовой точки зрения судебные процессы, прошедшие на рубеже сороковых — пятидесятих годов, негативно характеризуют:

— четко выраженная зависимость судебных решений от директив вышестоящих инстанций;

— возросшее количество осужденных по политическим мотивам. Так, из 137 генералов более половины решено было осудить за их реваншистские настроения³;

— привлечение солдат и офицеров вермахта к суду военного трибунала по принципу коллективной ответственности, без должного учета личной вины каждого;

— формальный подход к рассмотрению уголовных дел. Если на 1 марта 1948 года к уголовной ответственности привлекли всего 1112 немецких военнопленных⁴, то только в ноябре — декабре 1949 года по формальным признакам (принадлежность к войскам СС и т. д.) и за различные воен-

¹ ЦХИДК. — Ф. 1/п — Оп. 9а. — Д. 10. — Л. 59-60.

² См. подробнее: Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. — М.: Институт военной истории МО РФ, 1998. — С. 72.

³ ГА РФ. — Ф. Р. — 9401. — Оп. 2. — Д. 269. — Л. 36-46.

⁴ Besymenski L. Kriegsverbrecher oder Kriegsgefangene? // Sowjetunion heute. — 1990. — № 10. — S. 39.

ные преступления в общей сложности 13603 немецких военнопленных (см. таблицу)¹.

**Сведения о привлечении немецких военнопленных
к уголовной ответственности в ноябре-декабре 1949 г.**

Осуждено или находится под следствием	Кол-во
Осуждено военным трибуналом и ОСО	13603
Находится под следствием	7112
Общее количество осужденных и находящихся под следствием	20715
Из них привлечено:	
а) за зверства против мирного населения, пленных красноармейцев и шпионаж против СССР и стран народной демократии	13677
б) за принадлежность к войскам СС, органам разведки и контрразведки, полицейским формированиям	7038

Заслуживает внимания еще одна грань проблемы. Крайне некорректными и бесперспективными представляются попытки доказать, что советские и немецкие военнопленные в равной степени были жертвами правового произвола. Действительно, во многих случаях приговоры трибуналов войск МВД основывались на весьма сомнительных обвинениях. По данным Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в четырех случаях из пяти осужденные в прошлом германские подданные ныне подлежат реабилитации. Однако же большинство из них дожило до своего освобождения, в то время как красноармейцев, оказавшихся в руках противника, вообще расстреливали без суда и следствия. При этом указы на уничтожение советских военнопленных по политическим и иным мотивам отдавались германскими властями. Убедительнейшие свидетельства на этот счет содержат материалы Нюрнбергского процесса, а также книга немецкого историка К. Штрайта «Они нам не товарищи».²

¹ ГА РФ. — Ф. Р. 9401. — Оп. 2. — Д. 270. — Л. 38—39; ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 21а. — Д. 4. — Л. 26—31.

² Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — Stuttgart, 1978.

В пятой главе под названием «Проблема немецких военнопленных на международном уровне (1950 — 1956 гг.)» рассматривается три вопроса. Каждому из них посвящен отдельный параграф.

В первом параграфе характеризуется реакция правительства СССР на дипломатические демарши западных держав, ООН и МККК, пытавшихся облегчить положение осужденных немецких военнопленных. Советской стороной эти шаги расценивались, как «намерение обелить военных преступников», «усилить международную напряженность». Конструктивному диалогу мешали пропагандистские заявления бывших союзников и правительства ФРГ о сотнях тысяч немецких военнопленных, все еще томящихся за «железным занавесом». В 1952 г. были разорваны только что установившиеся контакты с Международным комитетом Красного Креста. Все объясняется исключительно политическим мотивом. Если МККК заботила судьба узников войны, то СССР рассчитывал сделать эту организацию своим союзником в пропагандистской акции против поджигателей новой мировой войны. Когда же Международный комитет занял подобающую его статусу нейтральную позицию в Корейской войне, то советская сторона обвинила его в пособничестве американскому империализму, а заодно и в сокрытии преступлений, совершенных нацистами в годы второй мировой войны.¹

Во втором параграфе анализируются новые подходы к вопросу освобождения военных преступников, выразителями которых после смерти И. В. Сталина стали его преемники Г. М. Маленков, Л. П. Берия и Н. С. Хрущев. По мнению автора, опирающегося в своих выводах на архивные документы, новое руководство пошло на амнистию более 10 тысяч германских подданных — военнопленных и гражданских лиц — по двум основным причинам. Освобождение немцев должно было стать свидетельством искренности намерений в деле разрядки международной напряженности. Вторая причина также имела политическую подоплеку, но при этом преследовала чисто прагматическую цель — добиться отставки К. Аденауэра на выборах в сентябре 1953 года. В этой связи премьер-министр ГДР О. Гротеволь заявил, что в ФРГ могут вернуться несколько тысяч немецких военнопленных, разумеется, если большинство избирателей проголосует против нынешнего главы государства. По замечанию историка А. М. Филитова, оппозиция была явно скомпрометирована такой «поддержкой»¹.

¹ Александров С. Пособники агрессоров под маской международной организации // Правда. — 1952. — 29 апреля.

² Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. — М.: Международные отношения. — 1993. — С. 166.

В третьем параграфе рассматривается проблема освобождения последних немецких военнопленных. Анализ архивных документов, критический разбор различных точек зрения убедили автора в ошибочности традиционной версии о том, что заслуга в возвращении соотечественников на родину принадлежит исключительно канцлеру ФРГ К. Аденауэру. Разумеется, положительное решение судьбы 10 тысяч немцев не могло состояться, не подними Аденауэр этот вопрос на переговорах в Москве осенью 1955 года. Однако советское руководство было готово к амнистии германских граждан за несколько месяцев до этого события. Более того, оно заблаговременно оповестило о своих намерениях правительство дружественной ГДР.¹ Параллельно послу СССР во Франции С. А. Виноградову поручили сообщить западногерманским дипломатам о планах советского правительства.² На переговорах Н. С. Хрущев и его соратники умело эксплуатировали просьбу немецкой делегации облегчить участь соотечественников, преследуя главную стратегическую цель — установление дипломатических отношений между Москвой и Бонном. Таким образом, не только угроза досрочно покинуть русскую столицу, как пишет об этом К. Аденауэр, заставила хозяев пойти на уступки.³ А то, что сами уступки предусматривались сценарием советской стороны. Для нее немецкие военнопленные в неменьшей степени, чем для Аденауэра были разменной монетой в большой политике, пешками в дипломатической игре.

В «Заключении» соискатель делаает ряд выводов и обобщений, высказывает некоторые рекомендации.

Политика СССР по отношению к немецким военнопленным в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период — это уникальный опыт, перешедший в наследство российскому государству, и было бы неразумно предать его забвению. Более 2,5 млн. немецких солдат и офицеров оказались в немецком плену. Почти 2 млн. германских подданных вернулись на родину. В экстремальных условиях военного времени, в тяжелейшей обстановке послевоенной разрухи и неурожайных лет удалось сохранить жизнь почти 70% военнопленных немцев. Для страны, граждане которой нуждались в самом необходимом, — это исключительно высокий показатель. Показатель, который еще раз подтверждает тот факт, что СССР никогда не ставил перед собой цель расправиться с обезоруженным противником, отомстить ему за огромные потери, материальный ущерб людское горе и страдания.

¹ ГА РФ. — Ф. Р. — 9401. — Оп. 2. — Д. 465. — Л. 165-166.

² АВП РФ. — Ф. 00. — Оп. 14. — П. 13. — Д. 124. — Л. 54.

³ Adenauer K. Erinnerungen 1953-1955. — Stuttgart. — 1966. — S. 544.

В годы Великой Отечественной войны наиболее ярким примером использования военнопленных в борьбе с гитлеровским режимом стала организация Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров. Позитивный опыт советской политики в отношении немецких военнопленных проявил себя, помимо прочего, в организации массовой репатриации солдат и офицеров вермахта.

Разумеется, наряду с положительным имел место и негативный опыт, изучение которого дает возможность извлечь уроки из прошлого. В данном случае речь прежде всего идет о необходимости более тщательной проработки вопросов, связанных с правовым статусом военнопленных, а также о том, что судьбы военнопленных никогда не должны зависеть от политических амбиций и идеологических установок.

Некоторые рекомендации.

1. Заслуживает внимания вопрос о включении в программу работ Комиссии историков Российской Федерации и ФРГ, созданной по инициативе президента Б. Н. Ельцина и канцлера Г. Коля, научного проекта «Вторая мировая война и судьбы военнопленных». Ключевые проблемы этого проекта целесообразно сформулировать следующим образом:

- а) война и плен: международноправовые последствия десятилетия спустя;
- б) сравнительный анализ положения военнопленных в советской России и нацистской Германии;
- в) статистический аспект проблемы: количество плененных и погибших в плену с той и другой сторон;
- г) нравственные аспекты истории военного плена;
- д) проблема иностранных воинских захоронений в свете соглашения между двумя странами от 16 декабря 1992 года.

2. В настоящее время региональные вооруженные конфликты сопровождаются попранием элементарных норм международного права и принципов гуманности. При этом жертвами насилия становятся в первую очередь военнопленные. Неуправляемая тенденция принимает крайне опасные формы, раскалывает общество, порождает мстительные чувства. В этой связи Министерству общего и профессионального образования РФ совместно с Министерством обороны РФ имеет смысл объявить конкурс на подготовку ступенчатой программы «Война и плен: международноправовые и нравственные аспекты», которая бы предусмотрела изучение основ данной проблемы школьниками всех возрастных групп, учащимися средних специальных учебных заведений, студентами. Если смотреть в будущее, то сегодня это, пожалуй, один из немногих эффективных заслонов на пути правового нигилизма и духовного ожесточения, которыми болеет наше общество.

3. До сих пор в розыске продолжают числиться сотни тысяч граждан самых различных государств, предположительно погибших в плену в годы второй мировой войны и последующие десятилетия. Комиссия по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести при президенте РФ могла бы взять на себя инициативу в деле создания Международного банка данных об этих людях. Организационные формы дальнейшей работы, вопросы финансирования проекта должны быть согласованы с полномочными представителями аналогичных комиссий в других странах мира.

4. В российско-германских отношениях сегодня как никогда большую роль играет нравственное начало. В этой связи заслуживает внимание вологодский опыт по увековечению памяти жертв войны. Начиная с 1987 г., соискатель принимает участие в работе по увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. При его участии создавались первые в стране «Книга-мемориал воинов, умерших в госпиталях Вологодской области», «Книга-реквием памяти эвакуированных ленинградцев». В 1995 и 1997 гг. появилась возможность познакомиться с опытом работы по увековечению памяти жертв войны германских коллег, представителей церкви и общественных организаций. На 26-м Кирхентаге — форуме примирения, милосердия и сотрудничества, инициатором которого выступает евангелическая церковь, родилась идея о создании «Книги-мемориала немецких военнопленных». В необходимости осуществления этой идеи убеждали чисто человеческое горе, надежды родственников разыскать могилу близкого человека. Реакция ветеранов Великой Отечественной войны, которых авторы (руководитель проекта — профессор В. В. Судаков) предварительно ознакомили со своими планами, была положительной. В настоящий момент поисковая работа подходит к концу: установлены имена и фамилии скончавшихся, места их захоронения, подготовлена документальная и иллюстративная подборки (письма на родину, фотографии и т. д.).

Подводя итоги, соискатель хотел бы обратить внимание отечественных и зарубежных историков еще на одну, незаслуженно обойденную грань проблемы. Исключительно важным представляется вопрос о том, какой след в материальной и духовной культуре России оставили за время пребывания в советском плену сотни тысяч немецких солдат и офицеров. Пока еще макро- и микрочастицы этого влияния можно отыскать во многих уголках страны. Неповторим облик промышленных и жилых зданий, спроектированных и воздвигнутых подневольными архитекторами и строителями. Инженерные находки и талант немецких мастеров воплотились в комплексе столичного стадиона «Динамо», «поющих» фонтанах курортов Крыма, инкрустированной мебели кабинетов начальников различного уровня. В репертуаре музыкальных коллективов пятидесятых годов нередко звучала «чужая», тоскующая мелодия, автора которой сегодня никто уже не припомнит.

Однако реконструировать картину прошлого еще не поздно, еще живы очевидцы событий, сохранились архивные документы, способные раскрыть многие тайны человеческого бытия. Процесс взаимного обогащения двух культур достоин глубокого и всестороннего изучения не только с познавательной точки зрения. Обращение к названной теме — одновременно дань исторической справедливости. Руководители тоталитарных государств хотели, чтобы их народы смотрели друг на друга сквозь прорези автоматных прицелов, позднее между ними были воздвигнуты идеологические барьеры. И все же, вопреки пропаганде ненависти, призывам к скорой гибели коммунизма, с одной стороны, и империализма — с другой, рядовые советские граждане и военнопленные немцы шли навстречу примирению, взаимопониманию и сотрудничеству. Они делали это в условиях несвободы — реальной и духовной, под дамокловым мечом расправы за проявление чувства уважения друг к другу. И сегодня профессиональный и нравственный долг историка состоит в том, чтобы нащупать и засвидетельствовать эти нити дружбы между двумя великими народами, протянувшиеся из прошлого в настоящее, из настоящего в будущее.

Новизна результатов исследования. Настоящая диссертация является первым в отечественной и зарубежной науке комплексным монографическим исследованием политики советского государства в отношении немецких военнопленных второй мировой войны. Анализ исследуемых проблем позволил автору составить целостную характеристику этой политики, определить ее основные направления, характер и особенности.

Научную новизну исследования во многом предопределил концептуально новый, деидеологизированный подход к соотношению таких двух взаимосвязанных понятий, как «политика» и «военный плен». Это позволило, во-первых, избежать сложившихся штампов и стереотипов, а, во-вторых, осуществить аргументированную критику некоторых традиционных версий.

Результаты исследования восполняют существенный пробел в истории Великой Отечественной войны, связанный с дипломатическими шагами советского государства по регулированию правового статуса военнопленных. Равным образом впервые наполнена конкретным историческим содержанием забытая глава истории послевоенных контактов СССР с Международным комитетом Красного Креста и Организацией Объединенных Наций по вопросам розыска и репатриации германских подданных.

В научный оборот вводятся неизвестные архивные документы, характеризующие позицию правительства СССР, министерств и ведомств, общественных организаций по проблеме военнопленных. Две подборки архивных материалов вошли в приложения № 1 и № 5. Обе могут послужить основой для публикации документальных сборников.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования обуславливается следующими обстоятельствами:

1. Сегодня правительство России, Министерство обороны, Министерство иностранных дел, Генеральная прокуратура и целый ряд других властных структур как никогда нуждаются в тщательно выверенной концепции «Теория и практика военного плена в Российской Федерации». В этой связи заслуживают внимания выводы соискателя по правовым, политическим, дипломатическим и нравственным аспектам этой проблемы. Представляется целесообразным подкрепить эту концепцию разделом «Исторический опыт», в котором бы нашли свое освещение такие вопросы, как «Правовой статус узников второй мировой войны», «Гуманитарная миссия Красного Креста», «Практика репатриации иностранных военнопленных».

2. Выводы и обобщения, сделанные соискателем, ставят юридическую науку перед необходимостью более тщательной проработки таких ключевых понятий, как «военнопленные», «военный плен», «режим военного плена», «репатриация», «правовой статус узников войны». В частности, ныне принятая формулировка военного плена (обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государствам лиц неприятельской страны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения из вооруженной борьбы) по меньшей мере неполна. Отсутствие в ней указания на то, что с окончанием войны прекращается и состояние плена, вновь возвращает нас к практике сороковых годов. Тогда, именно это формальное обстоятельство предоставило СССР возможность не отпускать немецких военнопленных на родину сразу же после капитуляции фашистской Германии.

3. Воссоздание объективной картины минувших событий, по глубокому убеждению соискателя, будет способствовать взаимопониманию и сотрудничеству между народами Германии и России. Историческая правда в равной мере будет помогать укреплению контактов России с Международным комитетом Красного Креста, представительство которого в начале девяностых годов возобновило свою работу в Москве. Какие-либо недомолвки и недоговоренности, попытки отлакировать прошлое, только нанесут вред вновь установившемуся диалогу.

На защиту выносятся следующие основные положения:

— актуальность избранной темы исследования. Правомочность ее выделения в отдельное самостоятельное исследование;

— ключевые позиции правительства СССР в вопросе военного плена накануне и в годы Великой Отечественной войны;

— важнейшие направления государственной политики СССР в отношении немецких военнопленных после капитуляции фашистской Германии;

— основные выводы и практические рекомендации.

Апробация результатов исследования

1. Важнейшие положения и выводы диссертации нашли отражение в публикациях автора, в том числе — в двух монографиях, одной коллективной работе и трех брошюрах.

2. Соискатель выступил на международных конференциях и симпозиумах в Гамбурге (июнь 1995 г.), Москве (ноябрь 1995 г.), Лейпциге (июнь 1997 г.), Вологде (октябрь 1997 г.), Дрездене (июль 1998 г.). К международному форуму в Гамбурге совместно с коллегами была подготовлена выставка «Немецкие военнопленные в СССР», которая впоследствии экспонировалась в других городах Германии. На международной научно-практической конференции в Вологде автор выступил с докладом «Проблема немецких военнопленных: новые документы, новые подходы» на пленарном заседании. Кроме того, ряд научных положений был изложен на республиканской конференции в Санкт-Петербурге (1991 г.) и двух республиканских конференциях в Вологде (1995 г.).

3. Научные выводы диссертанта использовались при подготовке спецкурсов для различных категорий слушателей Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров: «Война, плен и международное право», «Дискуссионные и малоизученные вопросы истории второй мировой войны».

4. Рекомендации соискателя учтены авторским коллективом готовящейся к изданию «Книги-мемориала немецких военнопленных».

5. Основные положения и выводы, изложенные в диссертации, получили положительную оценку на страницах журналов «Отечественная история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Новый Часовой»¹, а также в трудах зарубежных историков².

¹ См. напр.: Отечественная история. — 1996. — № 6 (рецензия на книгу «Судьбы немецких военнопленных в СССР, автор рецензии М. Е. Ерин); Вопросы истории. — 1996. — № 11-12 (рецензия на книгу «Судьбы немецких военнопленных в СССР», автор рецензии В. В. Фарсобиин); «Военно-исторический журнал. — 1997. — №6 (рецензия на книгу «Судьбы немецких военнопленных в СССР», автор рецензии — Коротков Г. И); Новый Часовой. — 1998. — № 6-7 (рецензия на книгу «... Пока не похоронен последний солдат», автор рецензии — А. В. Терешук); Вопросы истории. — 1998. — № 7 (рецензия на книгу «... Пока не похоронен последний солдат», автор рецензии — В. П. Галицкий).

² См. напр.: Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrechenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. — Dresden, 1996.

Основное содержание диссертации изложено в следующих работах:

1. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. — Вологда, 1996. — 19,53 п. л.
2. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. — М.: Институт военной истории МО РФ, 1998 — 10,5 п. л.
3. ... Пока не похоронен последний солдат. — Вологда — Москва, 1997 — 8 п. л. (в соавторстве).
4. Гриф секретности снят (К истории немецких военнопленных в СССР). — Вологда, 1991 — 3,25 п. л.
5. Неизвестные страницы: немецкие военнопленные в СССР. — М.: Рарог, 1992 — 3,75 п. л. (в соавторстве).
6. Zwischen zwei Kirchentagen (Aus der Geschichte deutscher Kriegsgefangener). — Hamburg, 1996 — 1,8 п. л. (в соавторстве).
7. Эхо минувшей войны. Очерки и документы. — Вологда, 1994 — 6,3 п. л. (в соавторстве).
8. Els Presoners De Guerra a L'UDSSR: 1941—1945 //L'aveng revista d'Historia, 1993, № 173. — 0,4 п. л. (в соавторстве).
9. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР //Вопросы истории. — М., 1994, № 11. — 0,2 п. л.
10. Последний рубеж генерала //Эхо планеты. — М., 1994, № 18-19. — 0,4 п. л.
11. Зеки в генеральских мундирах //Эхо планеты. — М., 1994, № 26. — 0,25 п. л.
12. «В душе у Сталина...» //Эхо планеты. — М., 1994, № 36. — 0,15 п. л.
13. «Будут немедленно преданы суду...» //Новое время. — М., 1994, № 48 — 0,1 п. л.
14. Узники войны. К истории иностранных военнопленных в России и СССР // Новый Часовой. — С.-Пб., 1994, № 1. — 0,4 п. л. (в соавторстве).
15. Долгий путь на Родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый Часовой. — С.-Пб., 1994, № 2. — 0,5 п. л. (в соавторстве).
16. «Будут немедленно преданы суду Военного Трибунала...» (Из истории интернирования гражданского населения Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии и Югослави в 1944—1945 гг.) //Русское прошлое. — С.-Пб., 1994, № 5. — 0,4 п. л. (в соавторстве).
17. Военнопленные второй мировой войны: международноправовые, политические и нравственные аспекты проблемы // Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны. Тезисы Российской научно-практической конференции. — Вологда, 1995. — 0,15 п. л.

18. К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Вологда, 1995. — 0,15 п. л.

19. Долгий путь на Родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) //Новый Часовой. — С.-Пб., 1995, № 3. — 0,5 п. л. (в соавторстве).

20. Под влиянием побеждающего народа: германские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.). В кн.: Народ и война. — С.-Пб., 1995 — 0,8 п. л. (в соавторстве).

21. Фельдмаршал снова сдастся //Эхо планеты. — М., — 1995, № 17. — 0,4 п. л. (в соавторстве).

22. «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне //Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красногорск, 1996. — 0,15 п. л.

23. К истории советских и немецких военнопленных второй мировой войны //Новая и новейшая история. — М. — 1996, № 5. — 1,4 п. л. (в соавторстве).

24. Граф Генрих фон Айнзидель //Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. — С.-Пб., 1996, № 4. — 0,2 п. л. (в соавторстве).

25. Люксембуржцы в плену СССР//Новый Часовой. — С.-Пб., 1996, № 5. — 0,2 п. л. (в соавторстве).

26. Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 г.: историографический аспект проблемы //Источник. — Вологда, 1997, № 1. — 0,2 п. л.

27. Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) //Вестник архивста. — М., 1997, № 5. — 0,4 п. л.

28. S. Karner. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1956. — Wien-München: Oldenburg Verlag, 1995.; «Gefangen in Russland». Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995. Hrsg. S. Karner. Graz — Wien: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann — Instituts fuer Kriegsfolgen. — Forschung, München, 1995. Рецензия //Новая и новейшая история. — М., 1997, № 6. — 0,3 п. л. (в соавторстве).

29. Слово о книге «Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров //Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 1. — Вологда, 1997. — 1,0 п. л. (в соавторстве).

30. Российское законодательство в области военного плена и правотворческая деятельность государства на международном уровне //Источник. — Вологда, 1996, № 3. — 0,3 п. л. (в соавторстве).

31. Изучение проблем германского фашизма, антифашистского движения и военного плена вологодскими учеными //Источник. — Вологда, 1996, № 4. — 0,2 п. л.
32. Изучение проблемы военного плена на уроках истории //Источник. — Вологда, 1996, № 4. — 0,1 п. л.
33. Периодическая печать как источник изучения проблемы немецких военнопленных //Источник. — Вологда, 1996, № 6. — 0,2 п. л.
34. Навстречу примирению //Источник. — Вологда, 1997, № 4. — 0,2 п. л.
35. Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ //Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997 — 1 п. л.
36. Переговоры в Москве осенью 1955 г. и освобождение немецких военнопленных //Отечественные архивы. — М., 1998, № 1. — 0,4 п. л.
37. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных //Отечественная история. М., 1998, № 5 — 1,2 п. л.

Виктор Борисович Конасов

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
(1941 — 1956 гг.)

Автореферат
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

8 р.

Сдано в набор 01.07.98 г. Подписано в печать 17.07.98 г.
Формат 60х84/₁₆. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии Северного лесоустроительного предприятия
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51

